

К. КОНИЧЕВ

**РАССКАЗ
О ПАСТУХЕ**

*Ленинградское
газетно-журнальное и книжное
издательство*

1955

— Перестаньте бить, окаянные, того гляди, убьете!

— Хватит! Пусть отдышится...

В деревне, где прошло мое нерадостное детство, двумя колами, в четыре руки били-колотили привыкшего к побоям пастуха Тереху. Ему было лет под сорок. Кудлатый, с крупными оспинами на загорелом и обветренном лице, он то падал под жестокими ударами дюжих мужиков, то поднимался, отплевываясь кровью. Тереха кричал и стонал, но не просил пощады. Может, и сам думал: «За дело бьют». — Тут уж перечь, не перечь, — за провинность воздастся. Недоглядел Тереха, как за кустами в поскотине схватились две коровы бодаться. Одна другой поломали рога, остались лишь кровавые стержни. Пастуха истязали за это не щадя, чтобы чувствительно было и неповадно. Однако били расчетливо, предусмотрительно не задевая рук и ног, ибо какой без них пастух! Чего доброго, будет отлеживаться, а как же стадо без пастуха?..

Сердобольные крестьянки, сочувствуя избитому пастуху, поругивали разъярившихся мужиков и упрашивали:

— Да ну, хватит же, хватит... Человеку жить надо. Изверги вы, ироды!..

— И в самом деле, мужики, перестаньте, как бы за это от урядника не влетело... — предупредил десятский.

— От кого? От урядника? Урядник ему не заступа... С пастуха взятки гладки.

На другой день, рано утром, с перевязанной головой, чувствуя ломоту во всех костях и суставах, Тереха-пастух выходил на улицу и в берестяной рожок сигнализировал хозяйкам, что он жив и что всю домашнюю живность — коров-молочниц, переходниц, яловых навозниц, телят и овец — пора выпускать в прогон.

Пас Тереха небольшое стадо — коров двадцать. Получал за всё лето десять рублей, двадцать пирогов, да яиц десятка четыре. Харч был готовый: черный хлеб с солью да луковицей; иногда перепадала пареная репа, рыжики с картохой, кислая капуста, каша овсянка и — редко — кринка молока. Одежка-обувка, вся незавидная амуниция, состоявшая из кропаного и никуда, кроме как пастуху, не годного зипуна, выдавалась на ношение бесплатно, потому что у пастуха даже и такой собственности не имелось. «Гол, как кол!..» — говорили в народе о пастухе. Обычно в северных губерниях в пастухи нанимались нищие зимогоры. Тяжко приходилось им зимой, и только лето спасало от крайней нужды пастушеством. И сколько их было, горемычных!.. В каждой деревне был такой наемный пастух, а иногда с подпасками из подростков! Должность пастуха считалась самой низшей. Случаи, когда к пастуху относились хорошо, были большой редкостью.

Помнится, это было также до революции, когда пастух, по прозвищу Копыто, а по имени и фамилии Николай Копытин, перешиб колом ногу матерому волку и загнал полуживого зверя в деревню.

— Вот вам, мужики, хищника доставил, коровушек сберег, давайте наградные...

Мужики восхитились его поступком и собрали пять рублей наградных. А сколько разговоров было:

— Где еще есть такой пастух, как наш Копыто?!

На другую весну в Егорьев день — пастушеский праздник — поряжали Копытина на лето. Магарыч поставили, дали прибавку жалованья, — как бы такого героя не переманили в другую деревню! Потом кто-то из зависти или из других корыстных побуждений пустил про Копытина нечестный слух, будто бы он знает с нечистой силой. Копытин отрешивался от этой сплетни и оправдывался, что нечистой силы он никогда в глаза не видал, но пастушеский «оберег», написанный на бумаге рукой знахаря, приобрел за наградную пятирублевку и хранил эту магическую грамоту от дурного глаза у себя в сапоге, между подклейкой и голенищем; от «оберега», по его мнению, кроме пользы, в пастушеском деле ничего не было. Копытин был в этом так убежден, что хранил колдовскую бумагу пуше глаза и, ложась спать, клал сапоги себе под голову. Однако мы,

в ту пору любознательные и шаловливые ребяташки, уговорили Копытина вспороть голенище и дать нам прочитать «оберег», — а вдруг да он по своей неграмотности купил у знахаря не то, что нужно. Пастух сдался, и его заветный «оберег» во всеуслышание прочли. Знахарь так перепутал в нем молитвы с заклинаниями, что ничего понять было невозможно. Этому-то как раз и придавал пастух глубокий смысл. «Мы люди темные, не про нас писано», — уверял он и бережно, как драгоценность, спрятал бумагу в голенище. После мы всё-таки стащили у него «оберег», изорвали, а пастух, не зная о пропаже, попрежнему старательно пас коров и был убежден, что «оберег» ему помогает беречь скот и от волков и от медведей...

А сколько в старое время было насмешливых прибауток, поговорок, частушек и всяких побасок о пастухах! Высмеять пастуха мог всякий. Была такая поговорка: «Пастуху гордость — что корове седло». Смеются над ним, подшучивают — иногда злобно, иногда безобидно, — а он всё терпи, и не обижайся. Само слово «пастух» считалось обидным. В наше время кое-кто пытался из вежливости «пастуха» заменить «гуртоправом». Но ничего из этого не вышло. Для советского человека лучше и благозвучнее, почетнее и роднее слово «пастух»! Ведь это звание труженика, веками страдавшего по всей матушке Руси. И «подпасок» (помощник пастуха) тоже неплохое слово, куда лучше нежели «подгуртоправщик»...

С этими воспоминаниями и размышлениями об участии пастухов в прошлом и о значении пастушеской профессии в колхозном животноводстве отправился я в Вологовский район, Ленинградской области — в колхоз «Ленинский путь». Сказывали — есть там замечательный, всеми колхозниками глубоко уважаемый, пастух Емельян Степанович Хамов.

2

С колхозом «Ленинский путь» предварительно я познакомился на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Деятельность колхоза отражена в экспонатах павильона «Ленинград и Северо-Запад». Скупые и сжатые данные создавали в общих чертах представление о колхозе «Ленинский путь». Это один из передовых

колхозов Ленинградской области, но еще отстающий от многих лучших колхозов страны, названия которых часто встречаются в центральной печати.

Укрупненный колхоз «Ленинский путь» состоит из пяти деревень: Клопицы, Ронковицы, Ольхово, Старое Греблово и Медниково. В прежние, дореволюционные времена земля — основа крестьянского хозяйства — здесь распределялась так: беднота и маломощные середняки имели по 3 гектара на хозяйство; кулаки — по 50 гектаров; помещик Кузнецов владел самыми удобными землями, площадью около 1000 гектаров; помещик Фредерикс имел «кусочек земли» в 500 гектаров. В таких условиях крестьянской бедноте было невыносимо тяжело; приходилось рассчитывать на заработки в Петербурге, где дешевая рабочая сила требовалась в неограниченном количестве. После Октябрьской революции здешние жители были наделены землей. Появилась маслодельная артель. В год массовой коллективизации возникли колхозы во всех пяти названных деревнях. В Отечественную войну пострадали колхозы, гитлеровцы уничтожили колхозный скот, сожгли крестьянские избы, разрушили общественные постройки и увезли сельскохозяйственные машины. Нелегко было после оккупации подниматься колхозу! Само расположение колхоза — в пригородной Ленинградской зоне — подсказывало принять за основу из всех отраслей сельского хозяйства мясомолочное животноводство и выращивание овощей и картофеля.

Цифры колхозного роста показывают, что доходность «Ленинского пути» в 1953 году увеличилась в три раза по сравнению с 1949 годом; наибольший доход — свыше миллиона рублей — колхоз получил от животноводства.

В колхозе 118 дойных коров. Из них за 300 дней лактации 4 коровы дают от 1500 до 2000 килограммов молока, 17 коров — от 2000 до 2500, 28 — от 2500 до 3000, 24 — от 3000 до 3500, 23 — от 3500 до 4000, 11 — от 4000 до 5000, 7 — от 5000 до 5500, 4 — от 5500 до 6000.

Эти показатели довольно хорошие, хотя им еще далеко-далеко до показателей удойности породистых холмогорских и костромских коров, пользующихся доброй славой по всей Советской стране.

Повышения удойности молочного скота добиваются не только доярки и специалисты, но также и колхозники,

которые обеспечивают скот кормами высокого качества. В пастбищный период, с мая по октябрь, повышению удойности коров в колхозе «Ленинский путь» немало способствует опытом, смекалкой и трудолюбием пастух Емельян Степанович Хамов.

3

...Посреди деревни Ронковицы изба колхозного пастуха Хамова, изба крепкая, рассчитанная на долгие годы. На дворе своя корова, куры, годовой запас дров; рядом — богатый огород.

В коридор зайдешь — велосипед и всякая хозяйственная утварь; в избу зайдешь — полное довольство: городская мебель, посуда, вдосталь одежды, обуви. Только книг маловато. И хозяйка, Ильинична, жена пастуха, объясняет это тем, что Емельяну Степанычу читать некогда.

Ильинична возится около печи, стряпает, варит обед для своего Емели и двух сыновей-колхозников, оттого в избе забористо пахнет жареным и пареным. Не отвлекаясь от своего дела, она заводит разговор о колхозных нуждах, о том, что председатель у них скупенек, — жалеет денег на культурные нужды. К примеру — радио не проводят во все избы. А ведь радиофикация каждой избы не ахти чего и стоит от миллионного колхозного состояния. Электричества нет. Трудно с доставкой воды; колодцы плохо оборудованы, а деревни «Ленинского пути», как назло, в таком месте расположились, что ни одна речушка не проходит... Узнав о цели моего прихода, она притворно удивилась: есть же на свете люди, которые ничего не делают, а только едят — и выразила сомнение в том, что молчуна Емельяна удастся вызвать на разговор.

— Привык он на коров покрикивать, а с людьми не разговорист. Другие есть и молчаливые, но за пол-литровкой у них и слова появляются, и хвастовство, а мой Емельян всегда трезвый, ни капельки в рот не берет и курит только две папироски в день. За коровами-то бегать надобно сердце здоровое, а ему годы — под шестьдесят...

Пастух вернулся поздно. Для хорошего настроения зажег две лампы. Изрядно поужинал, запил молоком и,

присмотревшись ко мне, не спеша начал разговор, предупредив, что некоторые товарищи из колхозных руководителей его поучали — приезжим рассказывать обо всём умеючи, показывая что называется товар лицом, особенно тем, кто доверчив на слово и не любит заглядывать на ферму, на выгон, а записывает в книжечку только хорошее, не узнав, чем пахнет навоз, или как и отчего повышаются удои молока.

Вопреки предупреждениям Ильиничны, Емельян Степанович оказался словоохотливым и откровенным. При первом же знакомстве он начал степенно и подробно рассказывать о себе и своих делах. Видно было, что ему не впервые приходится об этом беседовать: бывали у него работники из района, и фотокорреспонденты из города, да и сам он бывал в людях...

— Фамилия моя не совсем благозвучная — Хамов, но менять я ее не собираюсь: дело не в вывеске, а в том, что есть в магазине. Я вот на своем посту держусь устойчиво, как памятник. И за хорошую службу колхозу меня больше по имени и отчеству величают — Емельян Степаныч, а фамилия существует для паспорта и всяких списков. И кто ее придумал — не пойму? Не иначе так было: предки мои помещичьими людишками были — рабами, ну, баре, видимо, так их и прозвали. Хотя имя это, — среднего сына ветхозаветного Ноя, — к нашей русской породе никакого отношения не имеет. А что касается имени и отчества, то я ими доволен. Всякому запомнить нетрудно. Отец мой был крещен и наречен в честь Степана Разина, а меня назвали в честь Емельяна Пугачева. Бунтаря из меня не получилось, — всю жизнь пастух, и до самого возрождения лет всё в Ронковицах Емелькой кликали... Наплевать, не об этом речь! Так вы, значит, приехали что-то написать обо мне? Не легкое дело. Я ведь не полководец, не герой, не лауреат, не депутат, будет ли кому интересно читать? А если уж вы будете писать, то напишите обо мне так, чтобы человек с положением и кабинетной должностью прочел бы о пастухе — и сам захотел бы стать пастухом. Можете так написать? — спросил и хитро, с лукавой усмешкой на обветренном бритом лице, прищурился, словно бы нацелился на меня. Я обещал ему написать так, как в моих силах. Он усмехнулся и сказал:

— Как ни напишете, а на мою должность охотников

маловато. Зарабатываю хорошо, не жалуясь, кроме оплаты за трудодни, молока литров 800 премиальных и нынче получу. И есть за что. Пасты скот у нас не легко. Кабы были только чистые пастбища, тут бы чередуйся по отгороженным загонам, — не пастьба, а раздолье... Другое дело — лесное пастбище: скот разбредется, ищи-свищи! Дали мне в напарники, в помощь еще пастуха, соседа из Клопиц. Так он не знает, как того дня дожждаться, когда снег выпадет и скот на дворы станет. Ох, и надоело же ему, да и наскучило! «Никогда, говорит, пастухом не буду, ни за какие трудодни». А почему? «Во-первых, хлопот-забот и беготни много; во-вторых, скучно, говорит, день-деньской быть с коровами, не с кем словом обмолвиться...» Чудак он! А я и с коровами разговариваю. Ну, конечно, они отмалчиваются, а грубое или ласковое слово каждая понимает. Прикрикнешь — послушает, приголубишь — подойдет... Право, не знаю, с чего с вами и разговор начать. Хуже всего это о себе рассказывать. Ну, раз надо, так надо...

И Емельян Степанович взял папироску, хотел было закурить, но Ильинична прикрикнула на него:

— Береги сердце!

Пастух послушно отложил папироску, покосился на строгую супругу, придвинулся к столу и стал рассказывать, как он еще до революции занимался пастушеством. В его рассказе было много похожего на мои воспоминания и размышления о пастухах Терехе и Копыте. Емельян Степанович, когда еще был Емелькой, с малых-малых лет втянулся в пастушеское дело. Сначала пас от нужды, а когда повзрослел, пастушество стало его профессией. Сам вырезал и делал дудки с отверстиями; вместо клавишей — собственные пальцы; трубочка не медная, а из просушенной бересты. Ими и коров созывал, ими и развлекался. Для коров он научился играть скоро и хорошо, но хотелось и себя распотешить, и чтобы люди послушали его игру. Был такой пастух Петруша в Ронковицах, так тот, если бы не был пастухом, а учился в консерватории, наверно б стал мировой известностью. Настолько уж хорошо умел играть: под любой танец, под любую пляску подбирал музыку, и сам придумывал разные мотивы! Все слушали его игру. И будто не надо никаких слов, сама берестяная труба выговаривала:

Эх, располным-полна моя коробочка,
В ней есть ситец и парча...

Емелька Хамов с упоением слушал Петрушину игру, смотрел, как ловко бегают по трубочке пальцы игрока. А ведь играет, чёрт этакий, и не глядит ни на кого, глаза зажмурит, будто слепец какой!.. А звуки — нежные, ласкающие слух и вызывающие то умиление, то веселье и радость на задумчивых мужицких лицах, — вырывались из этой невзрачной самодельной трубочки, и летели куда-то ввысь, и таяли, как тонкие кисейные облака...

Нет, у Емельки не было музыкального дарования, не было умения улавливать и создавать из отдельных звуков приятные для слуха мелодии. Как ни пытался он подражать Петруше, ничего не вышло. Даже «Коробочку» не мог одолеть, а где уж там говорить о танцевальной музыке! Но так или иначе, по своей должности он с берестяной трубочкой справлялся, и свистящий, резко хлопающий кнут лощеным черенком лежал на его плече и, длинной тонкохвостой змеей шевелясь, тянулся за ним по траве. А потом время пришло — пастушеская дуда вышла из моды, а кнут стал не нужен, поскольку сотни раз было примечено, что коровам кнут нервы портит, заставляет их коситься на пастуха и без надобности шараться от него в сторону. Стало достаточно короткого посошка. Зато понадобились пастуху карманные часы, книжка — пастушья памятка с подробным описанием пастушьяй техники и с разными сведениями из области животноводства. И еще стала необходимой пастуху походная сумка с ветеринарно-санитарными средствами на тот случай, если животное будет нуждаться в оказании врачебной помощи. А главное, как-то незаметно для самого себя, пастуху пришлось многому научиться, приспособиться к пастьбе колхозного стада и изменить свой собственный облик, стать человеком уважаемым, заслуживающим общественного доверия.

4

— А вы обо мне у других поспрашивайте, — предложил как-то Емельян Степанович, — далеко ходить не надо, вот хотя бы с дояркой Марьей Малышевой потолкуйте, или еще с кем... Побывайте и на пастбище.

Изба Марьи Васильевны Малышевой напротив избы пастуха Хамова, — небольшая, уютная, с антенной на крыше. Вокруг усадебка, в палисаде подсолнухи и осенние, поздние цветы. Однажды в густые сумерки, когда чуть-чуть в окнах сквозь занавески мелькали огоньки керосиновых ламп, я заглянул к доярке Малышевой. Не заходя в избу, я услышал, как в одной из комнат переливчато звенел аккордеон, а девичьи веселые голоса подпевали:

Эх, береза ты, береза,
Белая, кужлявая,
Эх, Сережа ты, Сережа,
Без тебя скучала я..
Милый мой, к тебе вопрос:
Ты приедешь ли в колхоз?
Коль приедешь — так спеши,
Если нет — так не пиши..

— Это кто у вас там за стенкой такой веселый? — спросил я хозяйку, поздоровавшись с ней.

— Студенты из Ленинграда. Приехали нам помогать овощи убирать. Они у меня столуются, двадцать пять человек. Я между делом на всех завтрак, обед и ужин готовлю. Говядина, картошка с салом, молоко, хлеб — всё им дается.

— Ну и как, хорошо работают?

— Кто как. Студенты, которые из деревенских, — те хорошо, а городские — вяловато, без умения. Однако и у них дело поддается..

Разговорились о пастухе, о его опыте работы в животноводстве.

— Что о нем скажу? — вопросительно проговорила Марья Васильевна, усаживаясь против меня на мягкий диван, покрытый чехлом. — Пастух обыкновенный, современный колхозный пастух. И дело хорошо знает, о скоте беспокоится, любит порядок. Что в интересах животных — потребует от других, а от себя подскажет, как и чего лучше сделать надо. Доярки таким пастухом довольны. Не зря он участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки..

— А вы?

— Я тоже участник выставки, и вот скоро поеду. Очень хочется посмотреть на холмогорских коров да на костромских. У нас тут кое-кто ездил, так очень уж хвалят..

О многом пришлось переговорить с Малышевой — и о том, что ее удовлетворяет в колхозной жизни, и о том, что ее тревожит и беспокоит. По душе ей, в первую очередь, возросшее благосостояние колхоза и уверенность в завтрашнем дне, и то, что дети ее получают образование. Всё хорошо да ладно, всё идет к улучшению жизни общественной и личной.

— Одно худо, — говорит колхозница, — конечно, это не со всеми случается: пьянство. Оно, кроме вреда, ничего не приносит, а ведь пьют, добро бы для отдыха и веселья, нет, просто ради какого-то непонятого бахвальства.

О религиозных праздниках, сопровождаемых, как правило, безудержной выпивкой, в колхозе разговоры критических не мало. Резко и справедливо осуждают эти уродливые стороны жизни колхозницы. Разговорились на эту тему и с Емельяном Степановичем.

Пастух, выслушав меня, рассудительно пояснил:

— Конечно, если бы не строгость нашего председателя, то праздновали бы часто. Ведь, сами судите, если есть праздники да водка, так почему же по старой памяти и не погулять? Меня лично это не касается: водкой меня не прельстить, от своего коровьего стада я не оторвусь. Как же стадо без пастуха? Сами судите — невозможно! Да и понятие у меня о колхозном стаде не то, что о единоличном скоте: на моей совести и чести лежит ответственность за колхозное богатство. Доверено мне не только его стеречь-беречь, а еще и направлять так, чтобы удои коров повышались и повышались. За коровами глаз да глаз нужен, и любовь к этому делу... Дождь приутихнет, приходите посмотреть на пастбище.

Накинув поверх теплой безрукавки непромокаемый плащ-дождевик, пастух вышел на крылечко, постоял, посмотрел на быстро несущиеся облака, на дым, расстилавшийся над крышами изб, и сказал:

— Быть опять дождю...

Емельян Степанович приподнял воротник, нахлобучил картуз на лоб и отправился на пастбище.

Не путем, не дорогой, — по щетинистой стерне, обросшей зеленой травой, шли мы наискось обширного

убранного поля на пастбище колхоза «Ленинский путь». Моей спутницей была немолодая колхозница доярка — одна из тех, которые стали передовыми членами своей артели. Она не хвасталась трудовнями. Отлично зная положение в колхозе, отвечала на мои расспросы толково и исчерпывающе, как настоящая и полноправная хозяйка, заинтересованная жизнью колхоза и знающая о нем все тонкости и подробности, положительные стороны и недостатки. С ее слов, потом перепроверенных из других источников, у меня создалось точное представление об экономике колхоза, о его возрастающих доходах, о том, как повышается материальный уровень колхозников и как крепнет и богатеет колхоз в целом.

— Всё, что делается у нас в колхозе к лучшему, мы видим, знаем и чувствуем, — говорила колхозница, идя рядом со мной по выгону, где из-за деревьев на опушке леса виднелась крыша коровника и рядом помещение для обслуживающих стадо доярок. — Главное то, что мы знаем цену трудовня, — продолжала спутница. У нас дело идет в гору: в 1950 году колхоз получил дохода от животноводства 484 тысячи рублей, а в 1953 году — побольше миллиона. То же и по овощам, — большой шаг вперед! Три года назад от овощей не было дохода и 100 тысяч, а в прошлом году получили 478 тысяч рублей. Строительство у нас большое. За четыре года в «Ленинском пути» построили 2 скотных двора, 2 птичника, гараж, дом для правления, клуб, сушилку. Строятся и новые жилища. Да что говорить, в Клопицах после фашистского нашествия пришлось построить 70 изб!.. У нас народ дорожит трудовнем. Насчет выработки обязательных, установленных законом норм мы не беспокоимся: всегда превышаем. В прошлом году на каждого колхозника в среднем было выработано по 360 трудовней, в этом будет побольше. Смотрите, сколько на полях картошки, капусты и всяких овощей, сколько корнеплодов! Работы по горло, а где работа, — там и заработок, то есть трудовень. У нас в прошлом году Катя Шамшина с дочкой Олей вдвоем за свои трудовни получили больше 7 тысяч рублей, больше 2 тонн хлеба-зерна, больше тонны картофеля, более 3 тонн капусты, 760 яиц, 3 тонны кормов для своей коровы... Как тут не жить, как тут не трудиться?.. Александр Омель с женой — те и еще больше заработали, им сверх оплаты 7 поросят выдали. Вот как повернул

в колхозе дела сентябрьский Пленум ЦК! Когда порядка у нас было мало, некоторые отошли от колхоза и кое-кто на стороне пристроился, а теперь видят, что дела у нас на подъеме, и что же — за один год вступило в «Ленинский путь» 70 трудоспособных членов. Добро пожаловать, люди очень нужны! Вот что значит — материальная заинтересованность...

Мы приближались к пастбищу, представляющему собою смешанный лес с опушкой, обрамленной кустарниками и ольшаником. Словно сквозь сито, моросил мелкий дождь. Лес стоял хмурый, притихший, только дождевые капли, падая, шумели в листве еще не начавшего желтеть кустарника. Колхозница замедлила шаги и, снизив голос, доверительно заговорила:

— Значит, вы корреспондент? О нас пишут много и часто, и в газетах и брошюрах, и всегда только хорошее. А ведь не всё и у нас хорошо. Нет, не всё...

— А что, например, плохо или чего вам недостает?

— Многое, очень многое, — сказала она и начала перечислять: — Начнем с пастбища — оно у нас огромное, но неблагоустроенное. Лес — разве пастьба?.. Хорошо еще — пастух опытный, Пастбище нуждается в расчистке, да где там! Пока рук нехватает на такое дело. Но водоемы для поения скота нужны немедленно. Теперь есть такие машины, которые и лес и кустарник расчищают, которые и пруд могут вырыть, вот бы их сюда!.. Нет у нас и кормоприготовительных цехов — таких, как в передовых колхозах, а главное — мы без электричества, это уж никуда не годится. Как хотите, а хваленому колхозу, да в Ленинградской области, не к лицу без электричества... Тоже и насчет колхозного скота надо бы подумать да поразмыслить. Я на выставке видела холмогорских коров: 100 голов от одной «Новой жизни», а от нашего колхоза — ни одной. Ясен факт — не дотянули мы с качеством скота. Стадо надо увеличивать и обновлять, и чтобы коровы были такие гладёны да здоровухи, как у добрых людей. И еще скажу — нехватает нам культуры. Дайте кино почаще, дайте артистов. Да и самим бы нам почаще ездить до Волосова, ведь у нас 8 машин!

Так, с разговорами обо всем понемногу, мы дошли до опушки леса. Здесь начиналось пастбище колхоза «Ленинский путь». Из кустарников одна за другой по-

слушно брели коровы под навес к кормушкам. Вскоре всё стадо собралось на дойку. Моя спутница, заговорив с подошедшими доярками, кивала в мою сторону:

— Опять к нам корреспондент приехал. Будто мы всех лучше. А мы — самые обыкновенные. И пастух наш хорош, но в колхозе «Заветы Ленина» Александр Михайлович Пухов, право, лучше нашего...

6

Осень, нахлынувшая холодными дождями, угнетающе действовала даже на пастуха Емельяна Степановича, привыкшего к любой ненастной погоде.

— Худо коровам в такую дождливую пору! Под деревьями не схоронишься — и там льет и льет. Оглянуться не успеешь, как настанут холода, выпадет первый снег, и тогда уж — кончено... — рассуждал он. А еще его беспокоило — скоро в Москве закроется выставка. Ужели не побывать? Ужели не повидать так много хорошего, что делается в лучших колхозах и совхозах страны? В районной газете было объявлено, что в числе других участников выставки значится он, пастух Е. С. Хамов. Время идет. Вот уже слышно, что в конце сентября с выставки отправят в Холмогоры самый образцовый здоровый и высокоудойный скот; стало быть, уедут и те колхозники, которые ухаживают за скотом на выставке. Как было бы интересно и полезно с ними поговорить, послушать, как там у них, в Холмогорах, пащется скот! Все, кто побывал из «Ленинского пути» на выставке, очень хорошо отзываются об этой породе скота. И еще беспокоило Емельяна Степановича то обстоятельство, что председатель колхоза Федор Анисимович человек прижимистый, колхозные средства бережет; вдруг да пожадничает, пожалеет денег на командировку в Москву, и если не скажет прямо об этом, то найдет другую причину и обиняком намекнет: «Вот, Емельян Степанович, дело-то какое — ты у нас ценный, незаменимый человек, сам знаешь: на одного подпaska нельзя стадо оставить. Придется пасти, а на выставку на будущий год съездишь. Она теперь постоянная...» И Емельян Степанович мысленно становится на сторону председателя и как бы заблаговременно решает: «Что ж, он прав. Неудобно от стада отрываться... Как бы чего не случилось, коровы — это главное богатство в колхозе...»

Узнав о том, что мне знакомы прославленные колхозы архангельского севера, Емельян Степанович обидчиво посмотрел на меня и сказал:

— А вы еще зачем-то ко мне приехали, выспрашиваете, то да сё. Расскажите-ка лучше — как пасут скот в Холмогорах? Какие там условия? Почему от них на выставке целая ферма коров, а от нас не погодилась ни одна животина?..

Разговор с Емельяном Степановичем предстоял трудный и длинный, но то, что было мне известно, я считал моим долгом рассказать. Летом пятьдесят четвертого года довелось мне быть на прекрасных, заливных холмогорских лугах, на привольных пастбищах колхоза «Новая жизнь» и Холмогорского совхоза. В Москве на выставке я познакомился с интересным стариком пастухом из холмогорского колхоза имени Сталина — Павлом Петровичем Бердниковым, видимо неплохо работающим, поскольку на его груди — два ордена Трудового Красного Знамени. Некоторое знакомство с работой северных животноводов и условиями пастбищного содержания скота позволило мне при неоднократных разговорах с Емельяном Степановичем рассказать из опыта незнакомых ему скотников следующее:

— Прежде всего, Емельян Степаныч, ваш скот и ваши пастбища невыгодно отличаются от холмогорских. Пастбища у вас заросли кустарником, или же отведена под выгон исключительно лесная площадь. При таких условиях деление пастбища на загонные участки затруднительно. Если происходит у вас такое деление, то — формально, по той причине, что на огромной неогороженной лесной площади нет возможности соблюсти правила очередности пастбы, ибо фактически нет и загонов. Коровы, перегоняемые с места на место, кормятся у вас неплохо лишь потому, что вы прекрасно знаете это лесное пастбище и все его подножные кормовые запасы. А будь на вашем месте новичок, не знающий этого, коровы подчас оставались бы голодными...

— Да, это верно, — согласился пастух.

— А на холмогорских пастбищах дело обстоит так. Пастбища там луговые, просторные; богаты они обильными, пригодными для корма травами, среди которых тимофеевка, вика, красный клевер, луговой мятлик и множество других трав высокой питательности. И паст-

бища разделены на участки-загоны. У вас скот, в основном, хорошей остфризской породы, есть отдельные холмогорки. И чего греха таить, удои — удоями, а заболевания скота в условиях лесного пастбищного содержания у вас случаются. Так ли?

— Да, — с прискорбием сознался Емельян Степанович. — Болезни скота у нас бывают, это факт — чего тут скрывать... Да и жирность молока не такая, как у холмогорок.

— А в холмогорских колхозах вот уже много лет проводится огромная племенная работа. Создано стадо крупного, особо породистого местного холмогорского скота, с крепкой конституцией, приспособленной к северным условиям, исключительно здорового и высоко продуктивного. Вот почему одна из животноводческих ферм колхоза «Новая жизнь» оказалась на выставке. А теперь давайте коротко поговорим о том, что делается на холмогорских пастбищах и как там пасется скот, поскольку вас это интересует.

— Да и не только меня, — отозвался Емельян Степанович, — учиться на хороших примерах обязан любой колхозник. Рассказывайте...

— Должен оговориться, — продолжая начатую беседу, предупредил я пастуха, — и на севере, даже в самых передовых колхозах, не всегда и не везде достаточно пастбищ. В том же колхозе «Новая жизнь» колхозники были вынуждены за последние два года расчистить от леса, вспахать и засеять под пастбища многолетними травами 70 гектаров...

— Вот это здорово! Как же они так, гораздо у них много в колхозе рабочей силы?

— Дело не только в силе, но и в технике. Я сам был очевидцем, как мощные машины лугомелиоративной станции орудуют в лесу, валят деревья, корчуют пни, расширяют колхозное пастбище. Машины — вот сила! Больше того, в некоторых холмогорских колхозах уничтожают кустарник с самолетов специальными химическими средствами. И такой способ достоин самого широкого применения.

— Дойдем и мы до этого! — уверенно проговорил мой собеседник. — Разве мало у нас в Ленинградской области техники?

Благоустройство пастбищ в лесной местности, создание

водоемов погребует не мало труда. Загонная пастьба может быть организована на специально огороженных равных участках — загонах. Обычно таких загонных должно быть от 5 до 8. Площадь загона, в среднем, на ваш гурт — в 50 коров, — в лесной местности, как у вас, полагается не менее 10 гектаров; на чистых и высокоурожайных пастбищах было бы достаточно и 3 гектаров. Такие удобные пастбища как раз и есть на холмогорских заливных лугах, где в каждом загоне посередно коровы пасутся 5—6 дней. Так что у них всегда свежая, успевшая отрасти зеленая трава. Разумеется, для повышения удойности скота не обходится и там без дополнительной подкормки. Высокие урожаи кормов — 42 центнера клеверного сена с гектара, 405 центнеров корнеплодов, 450 центнеров зеленой массы кормовой капусты, запасы концентратов, полученных за продажу молока, — позволяют холмогорским животноводам постоянно держать скот в тучном теле. А отсюда и высокая удойность всего стада. В прошлом году от каждой коровы в колхозе «Новая жизнь» получили, в среднем, по 4615 килограммов молока, а нынче, в соревновании с колхозом имени Ленина Лебединского района Сумской области холмогорцы взялись повысить годовую удойность от каждой колхозной коровы до 6000 килограммов. И они добьются! Выставка в Москве их многому научила.

— Будет время, будут и пастухи с образованием! — восторженно заметил Емельян Степанович, и спросил, какие там существуют расчеты за трудодни.

— Отчасти не так, как в «Ленинском пути». У вас, скажем, берется за единицу 100 литров надоенного молока и из этого количественного расчета выводится оплата за трудодни. А в холмогорских колхозах берется в расчет не только количество молока, но и его качество, то есть процент жирности. Например: в колхозе «Красный Октябрь» за 100 литров молока доярке в пастбищный период начисляется при жирности молока 3,8 процента — 1,6 трудодня; при жирности 3,5 процента — 1,3 трудодня; при жирности 3,3 процента — 1,1 трудодня. То же и пастухам. Начисление трудодней — из расчета за количество и качество надоенного молока — повышает заинтересованность доярок и пастухов в большей выработке трудодней и вместе с тем в количе-

ственном и качественном повышении продуктивности скота.

— Век живи — и век учись. А кто не слушает советов, тому нечем и помочь, — задумчиво произнес пастух, и добавил: — Наш зоотехник тоже собирается перенять и ввести подобные расчеты, да чего-то медлит. Ведь так, по-холмогорски, рассчитывать за трудодни можно не только в пастбищный, но и в стойловый период?

— Совершенно верно, из этого же принципа, но расчеты могут быть другие, повышенные.

— Да, в стойловый период с коровами работы и заботы не меньше, а больше. Всё в этом деле зависит от обилия хороших кормов. Давно известно: «У коровушки молоко на языке». Молоко — это сотни и тысячи тонн силоса и других кормов. Много корма земля дает, а корова всё подчищает, всё «перемалывает». Интересно, какие там, на севере, нормы кормления? — спросил Емельян Степанович, увлеченный стремлением узнать как можно больше о том, что нового в животноводстве Архангельской области.

— Трудно об этом сказать с определенной точностью. Вернее, невозможно. На передовых фермах в холмогорских колхозах, как правило, введено индивидуально-групповое кормление скота. Ведают этим делом зоотехники. Они составляют рационы и нормы кормления скота. При этом учитывается общий план расходования кормов, принимается во внимание возраст, живой вес, упитанность, удои и жирность молока каждой коровы.

—хлопотливо, зато правильно. К сожалению, не везде так проводится. У нас еще сплошь да рядом делается на глазок, без учета, без весу. Так нельзя, — проговорил пастух. — Ведь почему меня всё это и прочее интересует? Да потому, что и в зимнее время, в стойловый период, немалые заботы падают на пастуха-скотника. Конечно, это ясно: коровы и условия разные — и рационы разные...

Во время беседы мне припомнился практический пример из опыта работы заведующего фермой колхоза имени Кагановича Холмогорского района — Фомина. Как-то, выступая в печати и делясь своим опытом индивидуально-группового кормления животных, он привел такие данные: корове, имеющей 598 килограммов веса,

при годовом удое в 8045 килограммов и жирности молока 3,72 процента, полагается в сутки 11,5 килограмма грубых кормов, 56 сочных и 8 килограммов концентратов...

Не легко, не просто и не дешево достаются продукты животноводства...

Недолго пришлось беседовать на этот раз с Емельяном Степановичем. Коровы, подоенные под навесом, отдохнув и перехватив немного зеленой подкормки, уходили снова на пастбище, — сырое и неприветливое в эту ненастную, слякотную, отнюдь не поэтическую осень. Ушли и доярки. Возчики вывезли бидоны с очередной порцией молока. На несколько часов опустело стойбище.

Оставшись один, я стал рассматривать со всех сторон это несложное строение и его оборудование. Надо сказать, что навес для гурта скота на пастбище, где работает пастух Хамов, построен по всем правилам. С северной стороны стойбище защищено от холодных ветров густым лесом; крыша не пропускает ни одной капли дождя. Кладовая для хранения концентратов и для временного хранения молока оборудована также неплохо. Кормушки под навесом, сделаны они из досок, без единой щели; привязи цепные. Есть и общее для гурта, проходящее вдоль всего стойбища, корытце, наполненное водой, доставленной сюда в бочках. Конечно, воду возить было неудобно, но артезианская скважина около навеса не действовала, ее оборудование находилось в плачевном состоянии. И еще плохо то, что вокруг стойбища скопилось немало навоза и осенней грязи. Дощатый пол с двух сторон перед кормушками был также далеко не идеальной чистоты... Осмотрел стойла. Перед каждым из них висели четко написанные таблички. Они говорили о высоких и средних удоях коров, о жирности молока, о времени отела и случки. В этом отношении замечался учет и порядок.

Вот сведения, взятые с табличек. У коровы Дворянки по первой лактации надоено 4478 литров молока, жирность его 3,4 процента. У коровы Мочки — холмогорской породы, как бы нечаянно и почти одиноко оказавшейся здесь, среди остфризков, — жирность молока 4,02 процента. Во всем гурте значилась с наиболее высокой продуктивностью корова Вишневка — за вторую лактацию она дала 6754 литра молока.

Кто хорошо работает — тот хорошо и живет. Заинтересованность появляется тогда, когда колхозник видит, что колхоз стоит на верном пути: руководители не разгильдяи, а понимающие и заботливые люди, твердо ведущие колхоз вперед, повышая товарность всего хозяйства и увеличивая с каждым годом выдачу продуктов и денег на трудодни. Особенно возросла материальная заинтересованность колхозников после сентябрьского Пленума ЦК КПСС, когда колхозному крестьянству было предоставлено множество льгот, когда партия и правительство поставили всенародную задачу создания в нашей стране, на базе могучего роста социалистической индустрии, — как ведущей силы в народном хозяйстве, — обилия сельскохозяйственных продуктов.

В колхозе «Ленинский путь» за последние два года значительно улучшилась жизнь, да и может ли быть иначе? Вот некоторые сопоставления по оплате трудодня:

Выдано на трудодень	В 1950 году	В 1953 году
Хлеба	1,1 килограмма	1,5 килограмма
Картофеля	—	0,8 "
Овощей	—	2,0 "
Кормов	1 килограмм	2,0 "
Деньгами	1 рубль	4 рубля 50 копеек.

Кроме того, выдается много продуктов в качестве премий.

В 1954 году выдача на трудодень значительно возросла.

Теперь у колхозников, хорошо поработавших, нет тревоги о хлебе насущном для своей семьи. Появляется забота о колхозе вообще, чтобы поднять его благосостояние на более высокий уровень. И эта забота, — в первую очередь, передовых, более сознательных колхозников — проявляется в повышении трудовой дисциплины, направленной на увеличение роста производства колхозной продукции.

В колхозе «Ленинский путь» есть немало таких передовиков. Вот, например, Варвара Никифоровна Кузнецова. Ей скоро шестьдесят лет. Двадцать лет она

работает на ферме дояркой. Была участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 и 1954 годов. В ее группе лучшие по продуктивности коровы — Дворянка, Верная, Дунайка и другие. От каждой коровы три года назад она надаивала по 3107 литров молока; в прошлом году и нынче удои превышают уже 4000 литров от каждой коровы. Когда Варвара Никифоровна побывала в Москве на ВСХВ и посмотрела, как ухаживают за скотом холмогорцы и костромичи, она поняла, чего недостает в колхозе «Ленинский путь», чтобы еще и еще повысить удои молока. А недостает прежде всего сочных кормов, особенно в зимнюю пору.

Знатная овощеводка Ефросинья Васильевна Русова вырастила высокий урожай овощей. На семигектарной площади она сняла в 1953 году по 740 центнеров капусты с каждого гектара. Но ведь прежде чем добиться таких урожаев, надо было приложить очень и очень много труда и умения. А умение не дается само собой, оно приходит в дружбе с книгой и наукой — агротехникой. При обработке участка под овощи бригада овощеводки Е. В. Русовой вывезла от 30 до 40 тонн навоза, 4 центнера суперфосфата, 2 центнера калийной соли на каждый гектар. И понадобилось изготовить десятки тысяч торфоперегнойных горшочков для рассады. Умение и труд возмещаются высоким, эффективным урожаем овощей, кормовой капусты и корнеплодов. Эти корма, включая и овощные отходы, идут на подкормку в осенний пастбищный период и увеличивают молочность скота.

Поля колхоза, засеваемые корнеплодами, дающими многотонные урожаи, теперь уже мы часто видим там, где животноводство — основа хозяйства. Давно прошла та пора, когда с плакатов в избах-читальнях мрачно, с недовольным видом смотрела корова и текст гласил угрожающе:

Забодаю тех уродов —
кто не сеет корнеплодов!

В «Ленинском пути» высокопродуктивным коровам дополнительно скармливается ежедневно 30—35 килограммов зеленой подкормки. И ни одна скотница, ни одна доярка, и особенно внимательный и наблюдательный пастух Емельян Степанович, не позволят, чтобы как-нибудь коровы были забыты и остались впроголодь,

без подкормки. И если спросить лучших доярок в колхозе, чем хорош у них пастух Хамов, они найдут немало в нем хороших качеств, которых сам пастух за собой, быть может, не примечает, а всего верней — считает эти качества обязательными в здешних трудных условиях пастьбы.

— У нас ведь не легко пасти скот. Хамову и его напарнику тяжеленько приходится, — скажут они, сочувствуя пастухам, и в доказательство пояснят: — Неогороженные, засеянные поля у нас упираются в скотный выгон; трудно оберегать от скота посевы, когда они не имеют изгородей. Пастбище — сплошной лес с небольшими полянами; это тоже трудность. А водопои? Ни одного ручейка, ни одной речки! А три-четыре раза в день скот поить надо. Каждый раз подгонять коров к водопроводу на скотный двор — не легкое дело...

Доярки в первую очередь (и раньше всех в колхозе) по высоким и возрастающим удоям примечают, что пастух умело и правильно пасет доверенное ему стадо.

Емельян Степанович с весны, с первых дней пастбищного периода, «дисциплинирует» коров: он приучает их повиноваться его окрику, не пускает «рассыпным строем» по пастбищу, а направляет весь гурт на ранее намеченные участки, для поочередного стравливания. Утром, сразу после первой дойки, чуть только показалось солнце, когда все еще в деревне, кроме пастуха и доярок спят, Емельян Степанович выгоняет стадо на тот участок, где трава похуже. При утреннем аппетите, натошак, коровы не так разборчивы в выборе подножного корма и поедают всё это мелкое и общипанное разнотравье. Только через час, через два этот участок перестает их удовлетворять. Неплохо бы найти что-нибудь получше, попитательней и вкусней! И тогда Емельян Степанович, зная, где тут поблизости есть хорошие травы, направляет стадо туда. Коровы наедаются вдоволь; им пора час-полтора отдохнуть. Пастух приучает коров к регулярному отдыху и не беспокоит их, пока стрелка часов не подскажет, что пора перегонять стадо на очередной участок пастбища. Распорядок дня, строго соблюдаемый пастухом и доярками, напоминает, что стадо нужно погнать в обратном направлении — к загону на вторую дойку, короткий дневной отдых и подкормку. И тогда, во время дойки, как бы между делом, Емельян

Степанович торопливой, не по возрасту быстрой походкой идет через поле в Ронковицы на обед к своей Ильиничне. Проходит час с какими-нибудь минутами, он возвращается к стойбищу и, застав еще доярок и скотниц за работой, коротко делится с ними своими наблюдениями о поведении отдельных коров во время утренней пастбы.

Иной раз заметит, что есть надобность обрезать острые концы рогов у какой-либо шаловливой, склонной к бодливости Мулатки; или что надо подрезать разросшиеся копыта у коровы Ладьи; а корова Думка чем-то обеспокоена, так и старалась отбиться от стада и, не дождавшись положенного срока, хотела бежать к стойбищу. Корова Гуля прыгала на других коров, видимо надо ее отправить на случной пункт. Красавица Магдалина слегка прихрамывает на левую переднюю ногу, надо посмотреть, нет ли занозы в расщепе копыта или загрязнившейся царапинки и, если окажется, сейчас же занозу извлечь, а ранку промыть креолиновым раствором и смазать настойкой йода... Да мало ли что может заметить опытный и наблюдательный пастух, чтобы своевременно помочь животным. Доярки и скотницы довольны внимательностью Емельяна Степановича. Уходя с пастбища, если и не говорят ему каждый раз «спасибо», то в шутку часто упрекают своих коров:

— Уж вам-то, чертовки эдакие, такому пастуху за его доброту в ноги надобно кланяться!..

8

Много сил и средств ушло у колхозников «Ленинского пути» на восстановление хозяйства, на строительство новых домов и общественных построек. Но и то, что уцелело от войны, обветшало и требовало капитального ремонта. Проходишь деревнями и слышишь стук топоров. То там, то тут плотничьи бригады строят и ремонтируют коровники, овчарники, птичники и всё необходимое в большом артельном хозяйстве. Зима приближается, надо спешить, чтобы всё было своевременно подготовлено и стужа не застала врасплох. В зимнюю пору пастух перестает быть пастухом, но от этого заботы его не уменьшаются. Потому в эти дни запоздавшей и постылой осени каждый раз, идя на пастбище и возвра-

щаясь домой, Емельян Степанович не может равнодушно пройти мимо силосной ямы, чтобы не убедиться, как она заложена и утрамбована, чтоб не посмотреть, не протекает ли дождевая вода в силосную массу. Если стоит вблизи от дороги зарод заскирдованной обмолоченной соломы овсянки, Емельян Степанович остановится, посмотрит прищуренными глазами — надежно ли заскирдовано, просунет руку, пощупает внутри: не согрелась ли, не загнивает ли от дождливой погоды солома. Иногда сделает лишний крюк, прошагает в сторону то к одному, то к другому стогу клевера, и там не поленится проверить — в порядке ли корм, нет ли плесени. Ведь каждый клочок сена зимой пригодится скоту, и, наверно, придется Емельяну Степановичу подвозить к скотному двору и солому, и клевер, и помогать скотницам доставать силосный корм из надежно зацементированной ямы.

Тропинка на пастбище тянется мимо коровника. Как не заглянуть Емельяну Степановичу и туда? Двор сложен из дикого камня добрых сто лет назад, еще в те времена, когда в Ронковицах и люди, и скот, и земля — всё принадлежало помещику. Толстые каменные стены и узкие оконца, вроде амбразур, делают скотный двор похожим не то на древнюю крепость, не то на застенок. И прочен и вечен двор, но как-то мрачноват. Внутри идет ремонт: переделывается пол, перемещаются стойла и кормушки с поилками. Зайдет, будто бы ненароком, пастух во двор, оглядит молча работу строителей и, не вмешиваясь расспросами в чужое ему плотничье дело, успокоительно подумает: «Должны к сроку поспеть. Иначе им от председателя житья не будет...»

Как-то разговорились мы с Емельяном Степановичем о том, что всюду в колхозах много-премного плотничьей работы, а везде строителей недостает.

— Но чем же объяснить такое явление, — спросил я его: — вот, к примеру, был я в Клопицах, в центральном, можно сказать, поселке «Ленинского пути»; зашел посмотреть, как идет ремонт на скотном дворе, потом в телятнике, что стоит возле дороги, около ветряка. Зашел и вижу: двое из плотничьей бригады, не спеша, разбирают и крошат молотками кирпичи, а пять человек сидят, балагурят, ничего не делая. Почему так? Другое дело если бы работы не было, а ведь работы — непочатый край?!

— Это, конечно, нехорошо с их стороны, несознательно. Люди-то взрослые, а воспитывать надо, — заметил Емельян Степанович. — Знаете ли, на мой взгляд, такие люди, работающие с ленцой да с прохладцей, мне напоминают одно ядовитое растение. Да вы видали его: это клеверная повилика. Она такая тонкая, как проволока, вьется вокруг клевера, присасывается к нему и питается его соками, потому что своего корня в земле не имеет, и даже цветет розовым цветом только для обмана зрения. А говорю я это к тому, — заключил пастух нравоучительно, — человек, не вросший в колхозную землю, работающий с пятого на десятое, лишь бы зарабатывать, а там — трава не расти, — смахивает на эту повилику. К нам в колхоз народ прибывает, но всё еще мало. Нужны люди всяких-разных специальностей, умелые и добросовестные.

Кстати разговорились о вредных и ядовитых растениях на пастбищах северо-западной зоны. Опытный пастух, проработавший много лет в этой должности и имеющий представление о пастбищном содержании скота из своей практики, знает, какие травы полезны для животных, какие приносят вред и ядовиты. Некоторые из трав, встречающихся на лесистых пастбищах, казалось бы, с виду очень безобидны, но на самом деле вредны, и если стравливание их не приводит скот к смертным случаям, то отражается на здоровье животных, уменьшает удои, ухудшает качество молока. К таким травам относятся конский щавель, свертывающий молоко, дикий лук и чеснок, придающие неприятный запах; уменьшает удои калужница, а молочай — тот окрашивает молоко будто бы и в самом деле разводит его крепким чаем, да кроме того и ядовит, опасен для животных.

— И, надо сказать, как я примечаю, — говорит Емельян Степанович, — когда корова сыта, она обходит, не трогая, вредные травы, ну а если корова голодная, то не разбирается, — поедает что попало. Приходится вредные и ядовитые травы уничтожать, но — мало: не специально, а мимоходом. Да много ли так уничтожишь? Мелочь. Да и не всех их, подлых, знаешь. Другая травинка или цветок с виду красивы, а попробуй — раскуси!.. Есть такое известное растение — вороний глаз. Четыре лапушки, маленький посредине цветок, а в цве-

точке ягода — вороний глаз. Или — папоротник, что растет больше всего на вырубках, с виду красивый, разлапистый, хоть в горшок да на подоконник ставь, а вреден — и на корню и в сене. Вех ядовитый, по-моему, страшнее и опаснее других ядовитых трав. Ученые зоотехники пишут в своих книжках, что достаточно корове съесть 200—300 граммов такой гадости, как через сутки корова погибает. И этот мерзкий вех ядовитый появляется раньше прочих трав. Да мало ли их, вредных, водится и на стерне, и на пастбище! Другому растению и названия не знаешь, а вот коровы «подсказывают». Сытая корова не тронет ни хвоща болотного, ни чемерицы белой, ни зверобоя, ни болиголова. То ли по запаху чуют вред, то ли пробовали, да не по вкусу. Говорят, что инстинкт, но это слово тоже требует смысла и объяснения. А вы бы, товарищ корреспондент, поговорили бы с зоотехником, да подсказали ему такую мысль, что одному пастуху бороться с ядовитыми растениями трудно... где там, на лесном пастбище в сотни гектаров! Колхозникам некогда, другой у них работы много. А вот взять бы учеников-школьников. Иногда их учат собирать лекарственные травы, — это имеет смысл; иногда засушивают растения в альбомах, вроде бы себе на память. А вот созвать бы зоотехнику учеников в начале лета, да показать им все ядовитые травы и рассказать — какая польза будет колхозу от того, если такие травы уничтожить на пастбище. И послать школьников прочесывать поляны, вырывать и с корнем уничтожать всю эту вредную мерзость. А ребяташки — народ боевой, предприимчивый. Они могут многое сделать, надо только их организовать, научить, направить на доброе дело, а потом похвалить, и не только похвалить, а премировать подарками...

Разговор о том, чтобы привлечь детвору на помощь колхозу, напомнил мне факты из практики колхоза имени Димитрова, Ленинградской области, где председатель Юрий Тихонович Омельченко умело прибегает к помощи учеников-подростков, замечательно работающих на колхозных полях. Нынче Омельченко за хорошую работу премировал группу ребят командировками в Москву на сельскохозяйственную выставку. Ребята вернулись восторженные, готовые еще в большей степени помогать колхозу в свободное от учебы время...

В разговорах-беседах с пастухом Хамовым как-то незаметно проходило вечернее время. Говорили о многом, переходя подчас нелогично с одной темы на другую, казалось бы не имеющую прямого отношения к его пастушесству, но затрагивающую общее колхозное дело.

Колхоз «Ленинский путь» богат. Он миллионер. Можно бы за счет колхозных средств создать многотомную библиотеку. До Ленинграда три часа езды, и раздобыть художественную, политическую и необходимую сельскохозяйственную литературу нетрудно. Трудней преодолеть нежелание иметь хорошую колхозную библиотеку и неумение продвинуть книгу к читателю, к тому читателю, который еще не вхож в библиотеку. Вот и у Емельяна Степановича, занятого ежедневно 13—15 часов своим пастушеским делом, нет свободного времени сходить в библиотеку, когда она открыта. В таких случаях полезно библиотекарю с пачкой книг пройти в вечернюю пору по избам и увеличить число читателей, разумеется, распространив среди них такие книги, которые заинтересуют колхозников и принесут им пользу...

Положительные примеры работы избачей и библиотечарей есть. Рассказывают, что в колхозе «Вторая пятилетка» девушка библиотечный работник ходила с книжными новинками на поле к колхозницам, на выгон к дояркам и там в перерывы читала книги, заинтересовывала женщин. Когда она прекращала чтение, колхозницы просили продолжать.

— А вы возьмите книгу домой, — и там ее дочитаете, — говорила девушка.

Таким путем она вовлекла в свою библиотеку-читальню 200 новых читателей. Пример, достойный подражания!

К сожалению, в Клопицах библиотечка весьма убогая, ютится она в хибарке. Над постоянным замком объявление, гласящее, что библиотека открывается два раза в неделю. Книжная торговля тоже не налажена. Книгонош нет, а в сельпо из художественной литературы на полке единственная устаревшая «новинка» «У нас уже утро» Чаковского и несколько брошюр. Вот то, что я увидел 8 октября 1954 года в магазине колхоза «Ленинский путь». Печально, но факт. Между тем в Волосове в книжной лавке подбор литературы довольно обширный и разнообразный... Но ведь не может же кол-

хозный пастух Емельян Степанович Хамов и другие повседневно занятые работой колхозники отлучаться за 15 километров в районный центр за книгой!

9

Этой осенью еще раз пришлось побывать в «Ленинском пути». Выбрали погожий день и втроем направились по шоссе Ленинград—Нарва в селение Клопицы. Ехали местами, где не раз проходили смертельные схватки с войсками Юденича на подступах к Петрограду и где еще более жестокие бои велись против фашистов, наседавших в 1941 году на Ленинград.

И зубчатые противотанковые надолбы из гранита, и заросшие травой рвы, и новостройки на местах разрушенных и сожженных селений, — всё напоминало о том, что тяжелые времена пришлось людям пережить здесь, на полях, орошенных кровью защитников нашей Родины. С нами ехал один товарищ — бывший батальонный комиссар, который со своим подразделением от этих самых Клопиц отступал в сторону Ленинграда.

Где-то в небольшой придорожной деревушке за совхозом, носящим название «Сельцо», мы вышли осмотреться вокруг. Красивый мирный осенний пейзаж привлек наше внимание. По сторонам деревушки машинами убирали кукурузу, выросшую до размеров сидящего на коне всадника, убирали и тут же обрабатывали — измельчали на силос. На обширных участках густо зеленела кормовая капуста. Шли с полей машина за машиной с картофелем и овощами в город и к колхозным хранилищам. Всюду на полях кипела работа, и всюду чувствовалось близкое знакомство человека с машиной — тесная связь колхозной деревни с индустриальным городом. Богатая сельскохозяйственная техника помогла получить обильный урожай овощей нынешнего года.

Избы в деревне почти пусты. Всё трудоспособное население на уборке. Одни только дети разгуливают около изб и надзирают за домашним добром и индивидуальной живностью. Вот один малыш, ростом с локоток, с хворостиной в руках гоняется за лошадью, по ошибке зашедшей в огород. Лошадь умна, осторожна и послушна, она делает вид, что ужасно боится малыша, бежит от него через буерак, а малыш, преисполненный гордости, пре-

следует разумную конягу и до колен увязает в грязи; тут он уже видит, что за такой «подвиг» мать его не похвалит... Наш попутчик, бывший батальонный комиссар, смотрит на малыша, смеется и говорит:

— Вот из таких герои и получаются — и на войне, и в труде... — Улыбка вдруг исчезает с его лица от нахлынувшего воспоминания. — А знаете, товарищи, — говорит он, обращаясь к нам, — здесь, вот именно в этой деревне, в сорок первом году, отступая от превосходящих сил противника, мы немного задержались. Кругом горели деревни и сёла. Из-за дыма пожарищ появлялись вражеские самолеты: одни обстреливали дорогу, другие шли на Ленинград с грузом бомб. И вот, как сейчас вижу, — так в моей памяти и сохранилась эта грустная и тяжелая картина: из опустевшей и горящей Клопицы по обочине дороги идет печальная, выплакавшая все слезы женщина. Она еле-еле пестет мешок со скарбом, и двое детей, таких вот малышек, идут за ней. У одного в руках петух, у другого — кошка... Не думаю, что эта маленькая семья, пытавшаяся уйти от горе-горькой участи, далеко ушла, — наседали немцы... Прошли эти незабываемые тяжелые дни и годы, и вот теперь другая картина; ее можно назвать — кипение жизни...

Вынослив и живуч русский человек!.. Как всё ожило вокруг! И осенний пейзаж здешних мест по-особенному красив и привлекателен. За колхозными постройками расстилаются поля, то темносерые, вспаханные под зябь, то зеленые от озимых посевов, то с еще не убранной белоснежной, плотной, свернувшейся в крупные кочаны капустой, а за полями — зубчатые хвойные леса в обрамлении золотистых и оранжевых лиственных деревьев, готовых вот-вот снять с себя этот великолепный наряд перед наступлением первых заморозков и снегопадов...

Мы недолго любуемся на уходящие в бесконечную даль лесные просторы, — спешим в Клопицы к хозяйственному мужику, председателю «Ленинского пути» Федору Анисимовичу Иванову. И первое, что мы теперь замечаем по дороге, — это работы связистов по радиотелефонизации колхоза. Как ни странно, а колхозники говорят, что нелегко и не сразу уломали председателя затратить 30 тысяч рублей колхозных средств на такое важнейшее культурное мероприятие. Конечно, не плохая черта бережное отношение к колхозным средствам, но

забывать о культурных потребностях трудящихся одного из передовых колхозов в области не к лицу председателю такого колхоза! И Федор Анисимович это понял...

— Ну, ладно, давайте, ставьте столбы, тяните проволоку, — сказал он связистам, уже намеревавшимся начать свою работу в другом колхозе, где их ждали с нетерпением.

Мы заходим в правление «Ленинского пути». Иванов сидит в тесной комнатухе. Здесь он не часто бывает. Живой, подвижной, заботливый, видящий всё, что делается в колхозе, он большую часть времени разъезжает верхом, как командир, по своим подразделениям-бригадам. Усаживаемся около него и на некоторое время отрываем от дела.

Еще не успели начать разговор с председателем, как кто-то позвонил из Ленинграда и пообещал колхозу «в порядке разнарядки» легковую автомашину «Победа».

— Что ж, хорошо, — усмехнулся председатель, — давайте, давайте. Только «Победу» нам иметь еще рано, да и ни к чему, мы ее променяем на грузовую. У нас пока 8 грузовых, а этого недостаточно.

Федор Анисимович слегка откинулся на спинку стула и пытливо осмотрел нас всех троих — работников печати. Из его слов мы узнали, что прошедшее лето и нынешняя осень, не в пример другим годам, были благоприятны для колхоза. Достижения есть немалые, поработано на славу, и земля окупила труд колхозников. Прежде всего, вырос надой молока. Вместо запланированных 3100 литров молока на корову получено 3728 литров. За 140 000 трудодней в этом году колхоз располагает выплатить по 6 рублей на трудодень, не считая зерна, овощей, кормов и премиальной оплаты. Десять человек уже съездили на выставку в Москву. Многие видели, да мало рассказывают, видно, за пять дней не успели, как подобает, перенять опыт других, — делает вывод Федор Анисимович.

— Перед закрытием выставки думаю и сам побывать там; пастуха Хамова прихвачу с собой, этому пригодится поездка на выставку, пусть посмотрит...

Теплые слова предколхоза, сказанные, как бы мимоходом, в адрес пастуха Хамова, говорили о многом. Федор Анисимович знает Емельяна Степановича как добросовестного, старательного и заботливого колхозника.

Этот не подведет, будет содержать скот в полном порядке. Раньше и Федор Анисимович думал, что роль пастуха не ахти как велика: выгнал скот, распустил по всему пастбищу, а к ночи пригнал на стойбище — вот и всё; чего же еще с пастуха спрашивать?.. Теперь, когда во всю ширь развернулась борьба за качество колхозного скота и за повышение удоев молока, а в годовых отчетах животноводство стало основной статьей доходности, многие поняли, и в первую очередь предколхоза, что научные основы животноводства должны глубоко проникнуть в сознание пастуха, ибо от него зависит очень многое.

— Как же, как же! Хамов у нас участник ВСХВ, поедет и пользу извлечет, — подтвердил Федор Анисимович.

Председатель колхоза на вид простоват. Но какого вопроса ни коснулись в разговоре, у него находился ответ, взвешенный и рассчитанный, обоснованный целесообразностью и хозяйственными соображениями. И хорошо еще то, что председатель умеет быть прямым, резким и правдивым, не закрывающим глаза на недостатки.

Заговорили о новаторских методах работы знатного полевода Терентия Мальцева.

— Да, читал об этом и в газетах, и доклад прочел. Ново, интересно, разумно и увлекательно. Надо испробовать, — решительно заявил Федор Анисимович, — вот именно испробовать, да так, чтобы не опорочить бесшабашной пробой великое дело Мальцева. Ведь и он рекомендует принимать его методы только творчески, а не с бухты-барухты. С кондачка любое дело можно завалить. Мы 5 гектаров выделили для испытания мальцевских методов обработки полей в наших условиях. Посмотрим, что получится. Но дело тут начинается не с того конца, — критикуя своего агронома, говорит Иванов. — Приходит на днях Марков — наш агроном — к трактористу Петру Пентонену и распоряжается: «Снимай отвалы у тракторных плугов, будем пахать на небольшом участке в виде опыта мальцевским способом на глубину без отвалов». Вот ведь какая оторопь! Да где же у Мальцева сказано, что по нелущеной стерне проводится глубокая безотвальная вспашка?! Такое дело надо делать с умом. А то что же может получиться? Вместо

уничтожения сорняков — разрыхление почвы для усиления сорных трав на нелущеной поверхности?..

Не успели закончить этот разговор, как в тесную комнатушку председателя вошел, легок на помине, агроном и, высыпав на газетный лист семена различных растений, стал легким дуновением отделять одни от других. Он был хмур, молчалив, чем-то недоволен и, чтобы скрыть раздражение, не вмешивался в беседу. Заговорили о делах других, соседних колхозов и их председателях. Упомянули одного, когда-то прославленного. Иванов махнул рукой, сказал коротко:

— Почет голову вскружил. Этот нам не пример.

Возник разговор о колхозе имени Димитрова, Кингисеппского района, о том, как там управляет Омельченко — председатель.

— Об этом я слышан, как же, как же, знаю. Решительный и расчетливый он человек! — заявил Федор Анисимович.

Председатель закурил папиросу, затянулся раз-другой и, рассеивая дым рукою, сказал, как бы обижаясь на свою, еще недостаточную организованность:

— Работаешь, работаешь, и туда и сюда сунешься, а времени никак не хватает. Смешно сказать: скоро в Москве выставка закроется, а я еще не удосужился там побывать. Да вот и своя выставка, районная, в Волосове на днях откроется. Ведь надо и там что-то показать. Надо вот и правление колхоза привести в надлежащий вид, надо вновь вступивших в колхоз членов с жильем устроить, всё надо!..

Мы вышли от председателя. В большой проходной комнате бригадиры-учетчики подводили итоги богатого урожая овощей, продуктивности скота и подсчитывали — что даст колхознику нынешний полновесный трудовой день. В соседней комнате возле стен стояли снопы высокоурожайной пшеницы, высокие связки кукурузы, пучки тимopheевки и других растений, на полу кучи крупных корнеплодов. Всё это было уже отобрано к районной сельскохозяйственной выставке. Молодая, румяная овощеводка перебирала в ящике крупные, с кошачью голову, клубни картофеля и, любуясь ими, говорила:

— Хорош сорт выведен Камеразом, что весомо, то весомо...

Повеяло холодком. Медленно падали легкие, пушистые снежинки и таяли, едва коснувшись сырой, не успевшей пристыть земли. Кончились все полевые уборочные и пахотные работы. Колхозная деревня приготовилась к зиме: заскирдованы и засилосованы корма, приведены в порядок, отремонтированы и заново построены наполненные живностью коровники, овчарники, свинарники и птичники. Избы в Ронковицах и Клопицах тоже не выглядят сиротливо; всё восстанавливается и строится. Настало время расчетов за трудодни. От колхозных амбаров и овощехранилищ грузовые автомашины развозят колхозникам «натуру», заработанную в истекшем сельскохозяйственном году. Тут и мешки с пшеницей, и картофель, и окрепшая на холодке капуста, и даже выданные передовикам как премия сытые игривые телки, гладкие визгливые поросята, белоснежные породистые куры и неунывающие голосистые петухи. И всё это за труды в общественном хозяйстве, на колхозных полях и покосах, на скотных дворах и пастбищах. А сколько еще всякого добра добыто между делом на приусадебных участках! Хорошее нынче было лето, — и обильна урожайем осень. Широкое и удобное поле деятельности для разных заготовителей: закупайте что угодно и сколько надобно, только сумеете организовать отправку и бережное хранение продуктов.

Сбыт колхозных продуктов в город, при их изобилии становится проблемой, упирающейся в недостаток грузовых автомашин; пуще всего в отдаленных районах мешает этому бездорожица — одна из самых серьезных помех в колхозном росте и строительстве. Там, где дороги не исправны, куда ни проехать, ни пройти в осеннюю и весеннюю распутицу, — там неминуемым спутником бездорожицы выступает производственная отсталость. Деревне нужны хорошие, крепкие, благоустроенные, мощные булыжником дороги, магистрали, соединяющие районные центры с городом, дороги, способные пропускать и выдерживать и грузовики, и тягачи, и комбайны, и тракторы любых марок.

У колхоза «Ленинский путь», в отличие от многих и многих колхозов Ленинградской области, дорожный вопрос не является тяжелой проблемой. Замечательный тракт

проходит по территории колхоза с Волосова на Ленинград. Тут же рядом асфальтированное шоссе Ленинград—Нарва.

При этих условиях сбыт колхозных продуктов удобен и взаимно выгоден городу и деревне. Благодаря хорошим дорогам бесперебойно держится связь с городом; не тратится напрасно время колхозников на длительные проезды; меньше расходуется горючего, дольше, обходясь без ремонта, держится транспорт; и всюду на колхозные поля своевременно поспевает вся совершенная техника МТС. Великое дело для колхозной деревни хорошие весь круглый год дороги!

Колхоз «Ленинский путь» управился со всеми работами своевременно.

Вот уже и колхозный скот на дворах, но от этого не убавилось заботы у тех, кто беспокоился о стаде в пастбищный период. Пастух Хамов не пользуется передышкой, не сидит сложа руки. Он лучший помощник заведующего фермой; он — неприменный советник доярок, скотниц, ухаживающих за коровами. Весь день от утренних потемок до густых вечерних сумерек его можно видеть то на подвозке и подготовке кормов, то на скотном дворе, устраняющим нечаянно обнаруженные недоделки, то наблюдающим за коровами, выпущенными на часок порезвиться на мягком снегу и свежем воздухе. Весь день в трудовых хлопотах. И кажется ему, что иначе он не мог бы жить, захирел бы без дела, и жизнь тогда потеряла бы смысл...

Завершив свои дела, Емельян Степанович в вечернюю пору возвращается домой. Хорошо после трудового дня отдохнуть, растянувшись на пружинном диване или — по старому обычаю — на теплой печке. Но недолго отдыхает он, садится в передний угол за стол, ближе к лампе, и приспособливает к глазам очки, не раз скрепленные проволокой. Очки перемещаются то на самый кончик носа, то повыше бровей, на лоб, — в зависимости от того, читает ли Емельян Степанович, или разговаривает с собеседником. Шуршат медленно переворачиваемые листы изрядно потрепанной книжки «Пастбищное содержание скота». Читает он не спеша, про себя, шевеля губами, как бы ради того, чтобы слова лучше застредали в его памяти. Иногда в минуты раздумья откладывает книгу в сторону и рассуждает сам с собой:

— Что бы люди ни думали, что бы ни говорили о пастухе, а пастух есть пастух, персона! Вот и в книгах печатают, что хороший пастух — это знатный человек в своем колхозе. Оно и ясно. Стадо, полста коров, ему доверено под личную и материальную ответственность. Не шуточки!.. А сколько у пастуха заботы об этом стаде? Не каждый это знает. Лодыря на такое дело не поставишь. Да, вот я и читаю эти книжечки, и вижу, что у меня ладно, что не ладно. Опыт — опытом, а учеба и пастуху нужна...

— Брось ты, Емеля, ворковать! — проворчит Ильичина. — Скинь очки, не порти глаза, тебе еще зрение пригодится. Проведут электричество, тогда читай хоть любовные романы, а не то что про коров.

— Жди, когда еще оно будет, электричество. А наука всегда нужна. Учиться всегда надо и никогда не поздно. Книга думать заставляет и всякие неправильности пересматривать и устранять, если, конечно, читать со вниманием и толком. Вот тут и насчет зеленого конвейера толкование дано. У нас с этим делом еще не всё благополучно, не по всем правилам дело обстоит. А как надо? А так, как учат этому в книжках по сельскому хозяйству. Зеленая подкормка скоту в наших условиях всё лето надобна, невзирая на то, что животные кормятся травой на пастбище. Одного пастбищного корма мало. По теперешним порядкам, чтобы больше молока было, будьте любезны, колхозные руководители, дайте стаду зеленый конвейер, да не на бумаге, а на самом деле, и по правилам — как это нам специалисты подсказывают. На будущее лето от меня спуска не ждите, потребую...

Емельян Степанович, отвлекшись от книги, предается размышлениям и рассуждениям. Он уверен, что поскольку сдал, как всегда, стадо в полном порядке, колхоз доверит ему пасти скот и на будущее лето. А пока другие дела и заботы тревожат его. Очень важно и обязательно нужно способствовать дояркам и скотницам правильно содержать и сберегать скот в зимний период.

Настоящая, крепкая русская зима не за горами. Ее холодное дыхание чувствуется за двойными рамами плотно проконопаченных окон. Веет ветерок, крутит и льнет к стеклам снежок. Приближение зимы не вызывает тоскливого настроения. С готовностью встречает ее и Емельян Степанович. Всякое дело, связанное с животноводством, в любое время года из его рук не валится.